
**РЕЖИМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ШОС И ОДКБ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Резюме статьи. В рамках представленного исследования осуществляется оценка потенциала кооперации взаимодействия ШОС и ОДКБ на основе результатов их сравнительного анализа в качестве режимов региональной безопасности. Исследование осуществляется за счет синтеза элементов теории международных режимов С. Краснера, концепций международных режимов Р. Джервиса, Ф. Риттбергера, К. Дойча, Валлийской школы изучения безопасности и Копенгагенской школы международных отношений. Методология работы основана на комбинировании элементов сравнительного, структурного и функционального анализа. Автор приходит к выводу, что для ШОС и ОДКБ характерны высокая степень унификации принципов режимов региональной безопасности. В то же время имеют место значимые различия в плане норм, правил и процедур их функционирования. Последнее потенциально превращает два режима региональной безопасности во взаимодополняющие структуры за счет функциональной специализации. ОДКБ обладает большим потенциалом с точки зрения реагирования на традиционные угрозы и вмешательство внешних акторов, в то время как режим ШОС наиболее релевантен задаче реагирования на нетрадиционные трансграничные источники рисков.

Ключевые слова: ШОС; ОДКБ; режимы региональной безопасности.

УДК 327.51(476)

Введение. Расширение Шанхайской организации сотрудничества за счет вступления в нее Республики Беларусь в 2024 г. привело к ситуации почти полного географического наложения данной организации на сферу функционирования ОДКБ. В связи с декларацией на саммитах ШОС в Астане и Тяньцзине задачи построения единого евразийского контура безопасности это поставило перед экспертным сообществом вопрос о перспективах функционального сопряжения двух интеграционных площадок в рамках решения задач обеспечения безопасности в охваченных ими регионах.

Целью данного исследования является оценка потенциала кооперации взаимодействия ШОС и ОДКБ как режимов региональной безопасности в контексте их сравнительного анализа. Методология работы основана на комбинировании элементов сравнительного, структурного и функционального анализа.

Основная часть. Концептуальные основы научной парадигмы режимов региональной безопасности были сформулированы в научных трудах С. Краснера и Р. Джервиса. Первый является создателем теории международных режимов. В соответствии с разработанным им подходом международный режим представляет собой комплекс имплицитных (неформальных) или эксплицитных (прямо закрепленных) принципов, норм, правил и процедур принятия решений, отличающихся наличием такой характеристики, как совпадение ожиданий всех акторов международных отношений, относящихся к определенному региону [1].

Мирослав Иванович ТЕРТЕЛЬ (miraslautertel@gmail.com), аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета (г. Минск, Беларусь).

Данная концепция получила развитие в работах Р. Джервиса, использовавшего ее в качестве теоретической рамки в контексте изучения практик выстраивания институтов международной безопасности. В соответствии с выводами исследователя возникновению международного режима безопасности способствует сочетание нескольких условий: наличие у крупных акторов стремления избежать вооруженного конфликта, их убежденности в том, что прочие участники системы международных отношений разделяют эту позицию; восприятие войны как слишком ресурсоемкого способа достижения политических целей; стремление ведущих государств региона к выстраиванию общепризнанных норм взаимодействия; признание высокой ценности взаимной безопасности. Режим безопасности при этом позиционируется как инструмент снижения неопределенности во взаимоотношениях государств и минимизации влияния на их действия «дилеммы безопасности». За счет выстраивания международного режима безопасности действия одного государства по защите своих интересов (например, в форме приобретения вооружений либо создания альянсов) не будут восприниматься политическим руководством других стран региона как источник угрозы. В качестве средств решения данной задачи выделяются повышение уровня транспарентности, обмен информацией и реализация мер доверия [2].

Указанная концепция получила развитие в исследованиях Ф. Риттбергера. Последний пришел к выводу, что функционирование регионального режима безопасности охватывает институционализированное сотрудничество государств не только для урегулирования или предотвращения конфликтов, но для решения проблем зависимости (в том числе в рамках реагирования на общие угрозы) [3].

Политолог К. Дойч обогатил теорию режимов региональной безопасности за счет тезиса о том, что они могут носить не только амальгамированный (предполагающий высокую степень формализованной интеграции и широкое делегирование полномочий на наднациональный уровень), но и плюралистический характер. В рамках плюралистического сообщества безопасности государства-участники сохраняют высокую степень суверенитета, концентрируя усилия на обеспечении устойчивого ожидания конструктивного взаимодействия и исключая возможность применения силы при разрешении споров, в том числе за счет выстраивания доверительных отношений и коллективной идентичности [4].

К подобным выводам пришли Э. Адлер и М. Барнетт. В своих работах они выделили тенденцию формирования на региональном уровне «сообществ безопасности» за счет построения доверительных отношений между государствами и формирования новых коллективных идентичностей, в том числе посредством распространения интегрирующих смыслов и ценностей [5].

Развитию теории региональных режимов способствовали и представители Валлийской школы изучения безопасности (К. Бут и Р. Джонс). В их исследованиях понятие «безопасность» интерпретировалось в расширенном смысле и связывалось с реагированием на источники нетрадиционных угроз (таких как бедность, неграмотность, неравенство, экология и т.д.) [6]. Используемая представителями Валлийской школы концептуальная связка «развитие — безопасность — развитие» широко используется представителями иных научных традиций. Так, ее влияние прослеживается в случае концепций «многомерной безопасности» Ф. Р. Аравена, «периферийного реализма» К. Эскуде, «нового регионализма» Б. Хеттне и Ф. Сёдербаума [7–10].

Существенное влияние на концептуальные представления о режимах региональной безопасности оказали представители Копенгагенской школы международных отношений, прежде всего Б. Бузан и О. Вэвер. С точки зрения созданной ими концепции сущность взаимодействия акторов в рамках международного режима безопасности сводится к секьюритизации — коллектив-

нормупозиционированию определенной проблемы в качестве экзистенциальной угрозы для определенного референтного объекта (суверенитета, территории, идентичности, канала доступа к стратегическому ресурсу, климатической стабильности и т. д.), требующей принятия чрезвычайных мер. При этом секьюритизация в обязательном порядке должна осуществляться коллективно: отказ части членов регионального режима безопасности неизбежно приводит к сбоям в работе механизма чрезвычайных мер. Отсутствие солидарной позиции в рамках секьюритизации может быть связано как со спецификой динамики паттернов дружбы и вражды между государствами региона, так и с вмешательством внешнего актора. Воздействие данных факторов может способствовать возникновению сбоев в реализации принципов, норм, правил и процедур взаимодействия государств-членов в рамках реагирования на общие угрозы. Отдельно следует отметить, что с точки зрения представителей Копенгагенской школы понятие безопасности не связано с реагированием только лишь на военные угрозы. Сама структура региональной безопасности включает в себя пять секторов: военный, политический, экономический, социальный и экологический [11].

Синтез обозначенных подходов позволяет определить режим региональной безопасности как комплекс принципов, норм, правил и процедур принятия решений в рамках институционализированного сотрудничества государств конкретного региона, сформированный на основе их общих ожиданий относительно перспектив устранения коллективных угроз и урегулирования влияющих на общую безопасность конфликтов. Режим региональной безопасности ориентирован не только на предотвращение и урегулирование внутрирегиональных конфликтов, но и призван купировать источники рисков во внутривосточной, экономической, социальной и экологической областях. Его функционирование обеспечивают, с одной стороны, система институционализирующих сотрудничество принципов, норм, правил и процедур, а с другой — практика их интерпретации и реального применения как конкретными членами режима, так и системой его управленческих институтов. Практика применения институциональных основ режима безопасности при этом формируется в том числе под воздействием сложившихся паттернов дружбы и вражды и под влиянием внешних акторов.

Ключевыми принципами режима региональной безопасности ОДКБ, определяющими цели существования и долгосрочные тенденции развития организации, являются коллективный характер реагирования на агрессию в отношении любого из государств-членов со стороны внешних акторов, неделимость безопасности стран-участниц, их суверенное равенство, стремление к выстраиванию доверительных отношений (в том числе за счет отказа от вмешательства во внутренние дела), признание приоритетности политических инструментов в рамках урегулирования конфликтов, а также консенсусная декларация необходимости защиты конституционного строя состоящих в организации государств от подпитываемых извне деструктивных сил. Основные угрозы для безопасности региона позиционируются как трансграничные и каузально связанные с безопасностью каждой из стран-участниц. При этом источники экзистенциальных угроз не делятся жестко на внешние и внутренние, допускается возможность их интеграции. В данном контексте деструктивные процессы и явления, формально относящиеся к сфере внутренней политики, могут восприниматься как результат активности внешних акторов (действующих, например, в формате «гибридной войны») [12–15].

Парадигму системы норм ОДКБ формируют стандарты солидарности и взаимопомощи, закрепляющие права и обязанности сторон, в том числе в рамках координации внешней политики по ключевым вопросам международной безопасности. В первую очередь речь идет о выстраивании коллективной

обороны, обязательном порядке проведения совместных консультаций по вопросам региональной безопасности, льготном характере военно-технического сотрудничества, ограничении присутствия военной инфраструктуры внешних акторов и участии в формировании коллективных военных сил. Система норм организации предполагает использование единого подхода в рамках идентификации и каталогизации источников нетрадиционных угроз (например, создание общих баз террористов и наркоторговцев) и признании их трансграничными, что предполагает необходимость использования инструмента экстрадиции или соответствующих норм национального законодательства [12–16].

Систему правил режима региональной безопасности ОДКБ, объединяющих предписания и запреты определенных форм действия, отличает высокоформализованный характер. Последнее обусловлено наличием развитой институциональной среды и связанной с ней системы коллективно формируемых механизмов и органов обеспечения безопасности (примером могут служить Коллективные силы оперативного реагирования, регулярно проводимая антинаркотическая операция «Канал» и т.д.). К числу ключевых правил организации следует отнести принятие решений на основе консенсуса и доктрины «ограниченного неучастия», обязательный характер использования многоровневых консультаций, автоматическое проецирование угрозы одному из государств-членов на все страны-участницы, наличие ускоренных алгоритмов работы уставных органов организации в кризисных ситуациях [17].

Процедурная составляющая режима безопасности ОДКБ охватывает в первую очередь инициирование кризисного реагирования, выстраивание взаимодействия в случае возникновения коллективной угрозы и принятие решения об использовании конкретных мер воздействия. Кроме того, данный компонент охватывает алгоритмы регулярного (циклического) сотрудничества в сфере безопасности. Процедурная специфика ОДКБ также предполагает необходимость прямого обращения за помощью со стороны государства – объекта угрозы, принятия решений на основе консультаций в порядке консенсуса [12–15].

Шанхайская организация сотрудничества сформировала к середине 2020-х гг. устойчивый режим региональной безопасности. За последние два десятилетия он эволюционировал в функциональном плане от комплекса мер доверия в военной области в приграничных районах до сложной системы противодействия новым вызовам и угрозам.

Основу принципов режима безопасности ШОС формирует так называемый шанхайский дух – мета-принцип, определяющий всю логику взаимодействия государств-членов. В число его базовых структурных элементов входят признание неделимости безопасности государств-членов, взаимное доверие и равенство (независимо от величины их военного либо экономического потенциала), концепция «ненаправленности» (организация декларирует, что не является военным блоком и не направлена против каких-либо третьих стран или их объединений), применение преимущественно политических инструментов для устранения разногласий, невмешательство государств-членов во внутренние дела друг друга (в том числе под предлогом защиты прав человека либо содействия развитию демократии, приоритетность задач борьбы с транснациональными асимметричными угрозами: терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом как главными источниками рисков для региональной стабильности [18–21].

Комплекс норм режима безопасности ШОС включает в себя выстраивание координации внешней политики стран-участниц по ключевым вопросам международной безопасности, организацию обмена информацией в области коллективной безопасности, добровольный характер реализации мер безопасности и недопустимость использования собственной территории для подготовки и организации действий, наносящих ущерб другим государствам организации в плане создания угроз для их суверенитета, безопасности и общественного

порядка. К основополагающим нормам данного режима безопасности относятся также единый подход к квалификации актов экстремизма, терроризма и сепаратизма, выдаче или уголовному преследованию лиц, причастных к совершению соответствующих преступлений, приоритет национального законодательства по отношению к международным обязательствам, запрет на вступление в военные альянсы, направленные против ОДКБ в целом или других стран-участниц [19–21].

Правила обеспечения региональной безопасности в рамках ШОС характеризует высокая степень детализации. Они охватывают одновременно регулирование и организацию антитеррористических учений, информационного обмена, реализации мер доверия в пределах приграничных территорий и совместного противодействия использованию Интернета в террористических и иных противозаконных целях. Основными элементами в их структуре является использование многоуровневых консультаций в рамках разработки решений и их утверждение через достижение консенсуса [18–21].

С процедурной точки зрения в системе ШОС наиболее детально прописаны практики выработки и реализации коллективного выбора. Для них характерна ориентация на обеспечение сетевого режима взаимодействия профильных ведомств и ограниченность функционала исполнительных структур преимущественно выстраиванием координации и в целом. Специфика используемых в рамках ШОС процедур обусловлена стремлением на институциональном уровне гарантировать соблюдение нормы невмешательства и обеспечить соблюдение стратегических интересов каждого члена организации. Это способствует медленной, но устойчивой институционализации взаимодействия государств-членов в рамках циклического согласования и исполнения решений (хотя это и несколько ограничивает глубину нормативных обязательств сторон) [18–21].

Заключение. На уровне принципов режимы региональной безопасности ШОС и ОДКБ объединяют признание приоритетности задачи защиты национального суверенитета, отказ от вмешательства во внутренние дела стран-участниц, закрепление неделимости их безопасности и ориентация преимущественно на борьбу с нетрадиционными угрозами, такими как терроризм, экстремизм и сепаратизм. Однако ОДКБ использует принцип коллективной обороны, в то время как «шанхайский дух» предполагает внеблоковость и ненаправленность против третьих стран. На уровне норм оба режима региональной безопасности ориентированы на выстраивание универсальных правовых стандартов угроз. Однако ШОС активнее использует в данном плане «мягкие» (рекомендательные) правовые решения. Также обращает на себя внимание отсутствие в структуре норм ШОС военного компонента (организация предпочитает выстраивать кооперацию по линии правоохранительных органов). С точки зрения правил оба режима безопасности используют консенсусное принятие решений и регулярно действующие уставные органы с четким функционалом. Однако правила взаимодействия в рамках ОДКБ предполагают делегирование большего объема прав на наднациональный уровень. В процедурном плане ШОС отличают меньшая оперативность и более выраженная привязанность к работе механизмов выработки коллективных решений, что, вероятно, связано с отсутствием внутри институционального поля военной составляющей (в отличие от ОДКБ).

Высокая степень единства принципов и значимые различия в плане норм, правил и процедур создают перспективы сопряжения двух режимов региональной безопасности за счет функциональной специализации. ОДКБ остается более эффективной площадкой в плане реагирования на традиционные угрозы и вмешательство внешних акторов. В то же время ШОС демонстрирует существенный потенциал реагирования на нетрадиционные трансграничные риски за счет реализации «мягких» форматов кооперации.

Литература и электронные публикации

1. *Krasner, S. D.* Structural Causes and Regime Consequences: Regimes as Intervening Variables / S. D. Krasner // International Organization. – 1982. – Vol. 36, N 2 – P. 185–205.
2. *Jervis, R.* Security regimes / R. Jervis // International Organization. – 1982. – Vol. 36, N 2 – P. 357–378.
3. *Mayer, P.* Regime theory and international relations / P. Mayer, V. Rittberger. – Oxford : Clarendon press, 1993.
4. *Deutsch, K. W.* Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience / K. W. Deutsch. – Princeton : Princeton University Press, 1957.
5. *Adler, E.* Security Communities in Theoretical Perspective / E. Adler, M. Barnett // Security Communities. – Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – P. 3–28.
6. *Booth, K.* Security and Self: Reflections of a Fallen Realist / K. Booth // Critical Security Studies : Concepts and Cases; London : Routledge, 1994. – P. 83–120.
7. *Aravena, R. F.* La seguridad en América Latina pos 11 de septiembre / R. F. Aravena. – San Jos   : FLACSO, 2002.
8. *Escud  , C.* Realismo perif  rico: Bases te  ricas para una nueva pol  tica exterior argentina / C. Escud  . – Buenos Aires : Planeta, 1992.
9. *Hettne, B.* The New Regionalism and the Future of Security and Development / B. Hettne. – London : Macmillan, 2000.
10. *S  derbaum, F.* The Political Economy of Regionalism: The Case of Southern Africa / F. S  derbaum. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004.
11. *Buzan, B.* Regions and Powers / B. Buzan, O. Waever. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – P. 26, 37, 83 – 92.
12. Договор о коллективной безопасности. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1666031/ (дата обращения: 25.02.2026).
13. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/?ysclid=mioe2h5wq9621776159#loaded (дата обращения: 25.02.2026).
14. Соглашение о сотрудничестве государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности в области обеспечения информационной безопасности. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52767/ (дата обращения: 25.02.2026).
15. Декларация Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: <https://odkb-csto.org/documents/accepted-docs/deklaratsiya-soveta-kollektivnoy-bezopasnosti%2016%20sentiabrya%202021%20goda/?ysclid=miraosphw6414243027#loaded> (дата обращения: 25.02.2026).
16. Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/protokol_o_razmeshchenii_obektov_voennoy_infrastruktury_na_territoriyakh_gosudarstv_chlenov_organiza/?ysclid=miraapn693s251517763#loaded (дата обращения: 25.02.2026).
17. Организация Договора о коллективной безопасности (справка). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/integracionnye-struktury-prostranstva-sng/1710399/ (дата обращения: 25.02.2026).
18. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 25.02.2026).
19. Соглашение между государствами – членами Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3920/print> (дата обращения: 25.02.2026).
20. Декларация глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679180/ (дата обращения: 25.02.2026).
21. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 25.02.2026).

MIROSLAV TERTEL

**SCO AND CSTO SECURITY REGIMES:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Author affiliation. *Miroslav TERTEL (miraslautertel@gmail.com), PhD student at the Faculty of International Relations, Belarusian State University (Minsk, Belarus).*

Abstract. The presented study assesses the potential for cooperation between the SCO and the CSTO based on a comparative analysis of their regional security regimes. The study combines elements of S. Krasner's theory of international regimes, R. Jervis's concept of international regimes, F. Rittberger's concept of international regimes, K. Deutsch's concept of international regimes, the Welsh School of Security Studies, and the Copenhagen School of International Relations. The methodology of the study combines elements of comparative, structural, and functional analysis. The author concludes that the SCO and the CSTO are characterized by a high degree of unification of the principles of regional security regimes. At the same time, there are significant differences in terms of the norms, rules, and procedures of their functioning. This potentially transforms the two regional security regimes into complementary structures due to their functional specialization. The CSTO has greater potential for responding to traditional threats and external actor interference, while the SCO regime is more relevant to addressing non-traditional cross-border sources of risk.

Keywords: SCO; CSTO; regional security regimes.

UDC 327.51(476)

---

*Статья поступила
в редакцию 25.02.2026 г.*